

М. В. Бутина

Современный исламизм как общественное движение в контексте сетевого подхода*

M. V. Butina

Modern Islamism as a Social Movement in the Context of a Network Approach

Анализируется история возникновения и многообразие подходов к пониманию феномена социальных движений. На примере исламизма делается обзор многоаспектности и сложности феномена современных социальных движений, его политические, экономические и социальные предпосылки. Исламизм сопоставляется с другими социальными движениями и контекстом своего развития. На основе примера движения исламистов выявляются общие закономерности, свойственные социальным движениям в целом. Исламизм рассматривается в контексте сетевого подхода, с его междисциплинарной проблематикой и историческим обзором данной методологии. Формулируются рекомендации по совершенствованию антитеррористической политики и способы нейтрализации социальной опасности, рисков и угроз, которые несёт феномен исламизма и международного терроризма в целом.

Ключевые слова: общественные движения, социальный активизм, глобальные социальные движения, социология общественных движений, сетевой подход, исламизм, исламский фундаментализм, международный терроризм.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-47

Социальная система постоянно усложняется, и немалозначимую роль в этих процессах играют общественные движения. В XXI в., в условиях развития систем горизонтальной коммуникации, прежде всего через Интернет, социальные движения получили дополнительную актуализацию. Иллюстрацией этого утверждения является то, что в 2011 г. журнал «Time» в своей рубрике «Человек года» отдал дань роли абстрактного «Протестующего» [1] вместо выделения конкретной персоны.

Повестку дня мирового сообщества всё больше формирует собирательный образ гражданских активистов, благодаря которым стали возможны «Арабская весна», массовые выступления в Греции, Белоруссии и России, движения «Захвати Уолл-стрит» и «чаепития» в США.

Несмотря на актуализацию феномена социальных движений, следует быть осторожными с использова-

The article examines the history of the origin and diversity of approaches to understanding the phenomenon of social movements. An outline of many aspects of contemporary social movements phenomenon, its political, economic and social sources is presented using the example of Islamism. The phenomenon of Islamism is compared with other social movements and the context of its development. Using Islamist movement as evidence general patterns characteristic of social movements are identified. Islamist movement is examined in the context of a network approach, with its interdisciplinary issues and historical overview of the methodology. Recommendations are given to improve the anti-terrorism policies and methods of neutralization of global social challenges, risks and threats Islamism and international terrorism constitute.

Key words: social movements, social activism, global social movements, sociology of social movements, the network approach, Islamism, Islamic fundamentalism, international terrorism.

нием понятия «новые социальные движения», которые понимаются рядом исследователей как «многообразные современные массовые демократические движения социального протеста в развитых странах». В соответствии с этим подходом новые социальные движения «отличаются от традиционных социальных движений широкой социальной базой, общечеловеческой направленностью требований, новыми формами борьбы и принципами организации» [2, с. 264]. Научный контекст подобной теории сформировался на Западе на фоне и необходимости дистанцировать послевоенные социальные движения от находившихся до этого в центре внимания исследователей коммунистического и фашистского/нацистского движений. Отказываясь воспринимать природу современных и тоталитарных движений как сходные явления, исследователи разработали понятие «новые социальные

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект №6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

движения», противопоставляя его «старым социальным движениям».

Вопреки этой теории, можно обнаружить множество исторических примеров общественных движений, соответствующих понятиям «широкой социальной базы» (любое крестьянское, религиозное, национальное или рабочее движение), «общечеловеческой направленности» (революционно-освободительные, просветительские и аболиционистские движения) до эпохи так называемых Новых социальных движений. К последним относят проявления социальной активности начиная с антивоенных демонстраций против войны во Вьетнаме в США (их знаковой датой может считаться «Поход на Пентагон» 21 октября 1967 г.) и «Майских событий» 1968 г. во Франции, выразившихся в массовых антиавторитарных протестах студенчества и профсоюзов, которые привели к падению власти Шарля де Голля.

Тенденции, обеспечившие появление «новых социальных движений», раскрыты в работе Ричарда Флориды «Креативный класс» [3]. На основе конкретных показателей изменения социальной структуры развитых обществ доказывается, что на смену пролетариату приходит новый «класс-гегемон» в виде творческих сотрудников, чей удельный вес в обществе увеличивается. Так, при радикальном росте производительности сельского хозяйства в США доля работников, задействованных в аграрном производстве, сократилась с большинства населения страны в начале XX в. до примерно 0,5% населения в начале XXI в. Высвобождающиеся кадры становятся повышающими свои позиции и насыщающими свои первичные потребности представителями «креативного класса», интеллигенции, переставшей быть лишь «прослойкой общества», обеспечивая массовизацию и социальную базу социальных движений современности.

Не всегда эти социальные тенденции выражаются в мирных формах. Индустриальное общество было связано не только с ростом уровня жизни и демократизацией, но и «национализмом» [4], а также социальными движениями, создавшими «тоталитаризм». Современный переход к «постиндустриальному», «глобализированному» обществу сопровождается такими болезненными социальными явлениями, как «международный терроризм», несомненную ведущую роль в котором занимает исламистское движение, заявившее о себе как о самостоятельном явлении в новейшей истории с исламской революцией в Иране.

Среди движения «Аль-Каиды» 62% членов организации имеют высшее образование (что существенно, в два раза, превосходит подобную пропорцию даже в самых развитых обществах в целом) [5, с. 4–20], подавляющее большинство членов этой организации являются выходцами из среднего класса, а ее руководство составляют представители высшего класса [6]. Не бедность и отсталость, а противопо-

ложные характеристики толкают людей к активности в рамках тех или иных социальных движений, в полном соответствии с пирамидой потребностей по Абрахаму Маслоу [7], сколь бы спорными ни были эти проявления активности.

Можно предположить, что современная волна роста исламизма в регионе Большого Ближнего Востока является местным аналогом коммунистического и «фашистского» движений, захлестнувших Европу в начале XX в. Это своеобразное политическое проявление «городского взрыва» — демографической тенденции стремительного роста городского населения за счёт массового перемещения сельских жителей в города, в условиях чего аграрный, общинный уклад навязывается городским сообществам под эгидой той или иной коллективистской идеологии, приобретающей характер господствующей парадигмы. Для всех подобных идеологий характерно противопоставление существующему спонтанному процессу рыночной глобализации некой альтернативной модели глобализации (в виде мирового коммунистического интернационала, господствующей над миром нации или исламской Уммы), основанной на социальной солидарности и коллективизме. Более гибкие политические структуры стран с развитыми институтами парламентаризма и другими формами самоуправления смогли канализовать накапливающееся социальное раздражение без радикальной ломки существующих государственных институтов.

В подтверждение версии наличия аналогий «исламистского» движения и его характера ответной реакции на модернизацию в 2002 г. знаковый западный философ Френсис Фукуяма утверждал, что сегодняшней «конфликт цивилизаций» — это не просто борьба с терроризмом и не борьба с исламом как религией или цивилизацией. Скорее, это «борьба с исламофашизмом», т. е. с радикально нетерпимой и антисовременной (по мнению Фукуямы) доктриной, отрицающей ценности «западной цивилизации», которая недавно получила распространение во многих частях исламского мира [8, с. 299–322; 9 с. 69–70].

О масштабе этого социального движения может говорить тот факт, что на территории России запрещено более 19 исламистских организаций [10], что одновременно характеризует это движение как децентрализованное и достаточно массовое, чтобы представлять собой реальную угрозу в виде производного из него терроризма.

На примере современного исламистского движения можно наблюдать всю сложность природы социальных движений и их взаимосвязь с другими явлениями политического пространства. Так, Саид Кутб, идеолог «Братьев-мусульман» — одной из ведущих организаций исламистского движения, разработавший в 1940-е гг. социальную платформу своей партии на основе Корана, сам находился под влиянием фран-

цузского католического ультраправого интеллектуала Алексиса Карреля [11 с. 70–71; 12] тесно сотрудничавшего с правительством Виши. В свою очередь, именно Саид Кутб стоит в числе основателей современного исламистского движения в целом. Его учениками и последователями были лидеры Аль-Кайды — Усама бен Ладен [13], действующий лидер этой организации Айман аль-Завахири [14, с. 36], а также Анвар аль-Авлаки, которого называли также «бен Ладеном в Интернете» [15]. Таким образом, и европейское ультраправое, ультраконсервативное движение и исламисты имеют в определённой мере общие интеллектуальные корни.

Современное исламистское движение также имеет параллели и пересечения с движением антиглобалистов, выступая против существующей версии «мирового порядка», и элементы анархистской идеологии [16]. В фундаментальном для этого движения произведении Саида Кутба «Вехи» [17, с. 63] утверждается, что вместо поддержки «благочестивых» правительств мусульмане должны противостоять любой системе, где люди находятся в «служении другим людям», т. е. подчиняются другим, в нарушение «суверенитета Бога над всем творением». По-настоящему исламское государственное устройство, по мнению Кутба, должно иметь даже не теократическое правление, а напрямую повиноваться «божественному закону» [18, с. 32–85].

При рассмотрении движения исламистов проявляется интегральный характер любых социальных движений. На практике именно исламистское движение объединяет не только множество различных представителей исламского сообщества, но даже носителей различных толков этой религии. Абдель Атван в описании внутреннего разнообразия Аль-Каиды утверждает: «в то время как собственно руководство богословской платформы организации осуществляют салафиты, организация охватывает различные школы и политические взгляды. Аль-Каида насчитывает среди своих членов и сторонников людей, связанных с ваххабизмом, шафизмом, маликизмом и ханафизмом. Есть даже такие, чьи верования и практики [находятся] в прямом противоречии с салафизмом, такие как Юнис Халис, один из лидеров афганских моджахедов. Он является мистиком, который посещает могилы святых и стремится к их благословению — [такие] практики враждебны ваххабитско-салафитской школе бен Ладена» [19, с. 233].

В связи с этим движение исламистского фундаментализма играет особую роль при изучении современных сетевых организаций. Первое обоснование сегментированной сетевой повстанческой войны было дано еще в 1960-е гг. бразильским революционером, автором концепции «городской герильи» Хуаном Маригеллой, который призывал создавать автономные группы, связанные друг с другом и с центром

не столько организационно, сколько идеологически, и предупреждал об опасности излишней централизации и иерархизации [20]. Однако широкое внимание исследователей сетевая структура социальных движений привлекла именно из-за угроз, исходящих от Аль-Кайды [21, с. 95–96].

Террористическая активность различных экстремистских сетевых групп социальных движений, например ИРА или «Сендеро Луминосо», носила локальный характер, в отличие от угроз так называемого супертерроризма [22]. Именно угрозы, исходящие от Аль-Кайды, сделали жизненно важным изучение функционирования сетевых структур, где руководящий центр осуществляет прежде всего идеологическое руководство. Местные подразделения — ячейки организации — действуют достаточно самостоятельно, чтобы раскрытие и уничтожение их части или даже руководства организации (как это продемонстрировало уничтожение Усамы бен Ладена или Анвара аль-Авлаки) не позволило ее дезактивировать.

Марк Сейджман, автор работ «Понимание террористической сети» (2004 г.) и «Без лидера джихада: террористические сети в XXI веке» (2008 г.) утверждал, что «радикализация является коллективным, а не индивидуальным процессом, в котором дружба и родство являются ключевыми компонентами», «там нет головной организации. Нам нравится создавать мифические сущности, называемой «аль-Каидой» в нашем сознании, но это не реальность, с которой мы имеем дело» [23]. В подтверждение этого утверждения сам Усама бен Ладен заявлял: «... ситуация не похожа на то, что изображают на Западе, что есть «организация» с определенным именем [например, «аль-Каида»]. Это конкретное имя очень старо. Оно родилось без нашего намерения. Брат Абу Убайда... создал военную базу для обучения молодых людей, чтобы бороться против... советской империи... это учебная база называлась «База» [«аль-Каида»], и это имя выросло, и стало [неотделимо от исламской нации и ее совести]» [24].

Большинство реальных структур, в том числе террористических, носит смешанный характер. Структуры гибридного типа складываются органически, путем естественного приспособления к условиям существования. Грань между сильно децентрализованной организацией и хорошо связанной сетью может быть весьма размытой, а децентрализованная организация (наподобие ранней Аль-Каиды) впоследствии может стать полноценной сетью [20].

Возрастание фактора сетевой организации для социальных движений можно объяснить развитием современных средств коммуникаций, когда разрозненные очаги сторонников тех или иных идей приобретают возможность напрямую координировать свои

усилия через средства мгновенной связи, минуя необходимость существования разветвлённых центров координации и управления.

Понимание исламизма как социальной сети и общественного движения означает, что необходимо не только реализовывать ответный сетевой подход в вопросах национальной безопасности и силового противодействия террористическим угрозам, но и при соблюдении жестких санкций в отношении к непосредственным террористам необходима аккумуляция социальной активности исламистов в конструктивные и правовые формы деятельности. Это реализовано, например, в Саудовской Аравии или Катаре, которые хотя и являются основными базами исламского фундаментализма, однако не сталкиваются с проблемой террористических угроз. Иными словами, местные сообщества, желающие жить по шариату, вводить «сухой закон» и носить хиджабы, должны иметь на это право, что реализуется в рамках принципов субсидиарности, уже декларируемых в базовых нормах Европейского Союза

[25]. Иной мерой в противодействии исламскому радикализму может быть развитие других социальных движений, любое из которых является альтернативой и заменителем социальных связей, выстраивающихся на основе салафизма.

Чтобы обеспечить противодействие исламистской реакции, необходим пересмотр государственной политики. Профессор О. Н. Яницкий утверждает, что «власть предрасполагает квалифицируют движения как внесистемную силу, действующую вразрез с интересами государства» [26, с. 52]. Это подтверждается законодательными актами последних лет, направленными на ограничение социальной активности в рамках некоммерческого сектора. Обратной стороной данного тренда, как показывает опыт исламистского движения, может стать сценарий дальнейшей исламизации национальных республик и мигрантов вместо их встраивания в альтернативные социальные сети и фреймы, сопровождающийся неизбежной в этих условиях дезинтеграцией России.

Библиографический список

1. Человек года с 1927 до 2011 // TIME's [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.time.com>.
2. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб., 1999.
3. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. — М., 2005.
4. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; отв. ред. И. И. Крупник. — М., 1991.
5. Карпенко О. М., Бершадская М. Д., Вознесенская Ю. А. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики // Социология образования. — 2008. — № 6.
6. Джихадисты сегодня: образованные, богатые и готовые на убийство? // Canada.com. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.canada.com>.
7. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб., 1999.
8. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. — М., 2003.
9. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Малый шайтан исламо-фашизма (рецензия на статью Ф. Фукуямы «Исламо-фашизм») [Электронный ресурс]. — URL: <http://litrus.net>.
10. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fsb.ru>.
11. Боузид А. Человек, общество и знания в исламистском дискурсе Саида Кутба / Виргинский политехнический институт, 1998 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://scholar.lib.vt.edu>.
12. Вальтер П. Странное учение доктора Карреля // Zeit Online [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zeit.de>.
13. Свенсон Э. Как проявилось влияние Саид Кутба на Усаму бен Ладена? // Tripod [Электронный ресурс]. — URL: <http://gemsofislamism.tripod.com>.
14. Райт Л. Грозит башня: Аль-Каида и дорога к 9/11. — Нью-Йорк, 2006.
15. Клирика аль-Авлаки назвали «бен Ладеном в интернете» // USA Today [Электронный ресурс]. — URL: <http://usatoday30.usatoday.com>.
16. Ирвин П. Тот ли это человек, который вдохновил бен Ладена? // The Guardian [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.guardian.co.uk>.
17. Бенджамин Д., Саймон С. Возраст Священного Террора. — Нью-Йорк, 2002.
18. Кутб С. Вехи [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kalamullah.com>.
19. Атван А. Б. Тайная история Аль-Каиды / Калифорнийский университет. — Б. м., 2006.
20. Степанова Е. Организационные формы глобального джихада // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. Т. 11, № 1 (32) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intertrends.ru>.
21. Гунаратны Р. Внутри Аль-Каиды. — Лондон, 2002.
22. Мендкович Н. Угроза «супертерроризма» с использованием оружия массового уничтожения // Фонд истори-

ческой перспективы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.perspektivy.info>.

23. Блиц Д. Угроза преобразований // Financial Times [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ft.com>.

24. Обсуждение новых войн крестоносцев // Financial Times [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.islamicawakening.com>.

25. Европейская хартия местного самоуправления. — Страсбург, 1985.

26. Яницкий О. Н. Сети социальных движений в России // Общественные науки и современность. — 2010. — № 6.